

Беданоква Зулейхан Кимовна

СЕМИОТИКА ЭВОКАТИВНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена семиотическим механизмам, лежащим в основе реализации эвокативного дискурса, который характеризуется проникновением плана выражения в план содержания знака. Автор рассматривает пути исследования дискурсов такого типа в перспективе синергетического объединения семиотического и когнитивного подходов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 88-93. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Сестра без брата, что звезда без сияния; мужчина – гора, изба без крыши, соседский сарай, город, новый забор: *ВоI воцун тхов бац.* / Отец без сына, что изба без крыши; д) **предметы**: женщина – *оьллина гуйриг* / хомут на шее, *тхов* / крыша, *топ* / ружье, *йохна мачаи* / старая обувь, *йома* / заплатка; *Дика зуда* – *дика накъост*, *вон зуда* – *коча оьллина гуйриг.* / Хорошая жена – надежный друг, плохая жена – колодка на шее; мужчина – *гам* / мотыга, *мокхаз* / кремень, *лам* / гора, *тхов* / крыша, *бIов, гIала* / башня: *Дика КIант* – *лам*, *вон КIант* – *гам.* / Хороший сын – гора, плохой сын – (кривая) мотыга; е) **части тела**: женские – *пIеда* / ребро, *дог* / сердце: *Марнаний, нуссий цхьана гомачу пIендарах йина.* / Свекровь и сноха сделаны из одного кривого ребра; ж) **пицца**: женщина – *туьха* / соль, *шекар* / сахар, *моз* / мед: *Дейшиа* – *туьха*, *ненайшиа* – *моз.* / Сестра отца – соль, сестра матери – мед [Там же, с. 79-81].

Рассмотренный нами фонд фразеосферы и паремиологии говорит о том, что зафиксировано гораздо больше единиц с компонентом родства (социокультурные факторы; табуирование имен; наименования терминов родства выражаются отдельными лексическими единицами и описательными обозначениями; элементы оценочного характера). Большинство изучаемых единиц содержат мужские термины родства, обладающие положительной коннотацией. В исследуемом материале с женским компонентом нередко встречаются ирония и пренебрежение.

Изучение лексических единиц с терминами родства доказывает наличие двух культурных сфер – *маскулинности* и *фемининности* одновременно.

Список литературы

1. Алироев Ю. И. Кувшин мудростей. Чеченские пословицы и поговорки. Грозный: Книга, 1990. 207 с.
2. Байсултанов Дадаш, Байсултанов Дауд. Чеченско-русский фразеологический словарь. Грозный: Книга, 1992. 329 с.
3. Бахаева Л. М. Гендерные измерения в чеченском языке при описании терминов родства // Рефлексия. Назрань: Пилигрим, 2007. № 1. С. 24-25.
4. Бахаева Л. М. Гендерный фактор в чеченском языке: дисс. ... к. филол. н. Грозный, 2009. 193 с.
5. Джамбеков Ш. А. Нохчийн фольклор. Грозный: Книга, 1990. 592 с.
6. Мациев А. Г. Очерки лексикологии современного чеченского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1973. 147 с.
7. Нохчийн кичанаш. (Чеченские пословицы) / сост. Р. Ямадаев, Л. Исаев. Грозный: ГУ «Книжное издательство», 2003. 592 с.
8. Танкиев А. Х. Свет народного сознания. Грозный: Книга, 1990. 199 с.
9. Тимаев А. Д. Категория грамматических классов в нахских языках. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. 194 с.

THE TERMS OF COGNATION IN FOLKLORE GENRES OF THE CHECHEN LANGUAGE (GENDER ASPECT)

Bakhaeva Leila Mukharbekovna, Ph. in Philology
Chechen State Pedagogical University
blm.99@mail.ru

The article examines the terms of cognation in the Chechen phraseological units, sayings and proverbs from gender positions. The gender marked are male and female terms of cognation, expressed by separate lexical and descriptive denotations. The gender significant terms of cognation give full characteristic of positive and negative features of people of opposite sex in all aspects of customs and traditions of the Chechen nation. The study of lexical units with terms of cognation illustrates the presence of two cultural spheres – masculinity and femininity at the same time.

Key words and phrases: gender; gender aspect; socio-cultural factors; masculinity; femininity; the terms of cognation.

УДК 81; 367.7

Статья посвящена семиотическим механизмам, лежащим в основе реализации эвокативного дискурса, который характеризуется проникновением плана выражения в план содержания знака. Автор рассматривает пути исследования дискурсов такого типа в перспективе синергетического объединения семиотического и когнитивного подходов.

Ключевые слова и фразы: когнитивная семиология; эвокативный дискурс; асимметрия знака; означающее и означаемое в дискурсе; имплицитность содержания и экспрессивность формы.

Беданоква Зулейхан Кимовна, к. филол. н., доцент
Адыгейский государственный университет
bedan23@mail.ru

СЕМИОТИКА ЭВОКАТИВНОГО ДИСКУРСА

Знак обычно понимается как единство формы и содержания. Как известно, Ф. де Соссюр подчеркивал неразрывность означающего и означаемого, сравнивая их с двумя сторонами одного листа бумаги, которые

в обычном смысле неразделимы. Причем для пользователей знака почти всегда важнее содержание. При определенном уровне знания языка буквы и звуки перестают «замечаться» (то есть быть объектом предметного анализа), за ними возникают образы и понятия, значения слов и смысл высказывания. Форма знака, как правило, прозрачна, как оконное стекло или объектив, за которым открывается предметный мир. Прозрачность знака в обычном употреблении абсолютна, как абсолютна «прозрачность» глаза, и механизм поступления зрительного образа в мозг не зависит от разреза (внешней формы лица) или цвета глаз. Однако при *нарушении* зрения все внимание сосредоточено именно на глазе как части человеческого тела.

Означающее, или (по Ч. Пирсу) *тело* знака, как и стекло или глаз, не всегда прозрачно. Иногда знак «затемняется», то есть форма становится препятствием для моментального осознания содержания. Понимание знака (слова, высказывания, текста) затруднено из-за непрозрачности (непроницаемости, герметичности) формы выражения. Причины такой непрозрачности могут быть разными. Первое – элементарное – это незнание или плохое знание кода, когда чтение становится дешифровкой, а понимание затруднено отсутствием знания о значении (формы) знака. Характерный пример – контекстуальные аббревиатуры, расшифровка которых необходима «здесь и сейчас» ввиду их окказиональности, нераспространенности. Другое дело – общая потенциальная многозначность плана выражения. Герменевтика как философский метод познания/понимания, постижения истины основана на априорной герметичности текста как такового, который «всегда требует расшифровки» и/или «трансформации» (ср. [14]). С третьей стороны вмешивается прагматика, которая ставит вопрос не «что сказано», а «зачем/почему/кем/когда/где и как сказано». Таким образом, все три составляющие семиозиса (по Ч. Пирсу) – *репрезентатив* (тело знака), *объект* (денотат) и *интерпретанта* – находятся в постоянной динамике трансформаций [17], дополняя и проникая друг в друга, создавая конечный смысл языкового знака в речи, в дискурсивной практике.

Любая система функционирует за счет норм, а не за счет их нарушений. Однако нарушения есть, и это же есть норма существования любой системы. Система без нарушений и энтропии – это «вечный двигатель», которого, как известно (?), не может быть никогда. Поэтому, говоря о лингвистике, можно, пожалуй, вслед за некоторыми исследователями [19] сказать и о нестандартной, «дефектной», «девиантной лингвистике», предметом которой становятся языковые аномалии (ср. [2; 3; 20]). Однако термины «девиация», «аномалия» несут некоторое отрицательное оценочное значение. Но ведь, например, «аномальное повествование А. Платонова» [20, с. 6], (см. тж.: [11; 15]) не аномально в «возможном мире» героев Платонова в той же степени, в какой осознается «обычность» и не-аномальность *Единорога* или *Бабы Яги*. Очевидно, что разница между языком платоновских героев и псевдорезерентностью фантастических номинаций лежит в области отношений формы и содержания языкового знака. «Девиантность» плана выражения не тождественна «девиантности» плана содержания. Нестандартность плана выражения у Платонова не равнозначна «ненормативности» плана содержания в фантастическом дискурсе. Говоря о том, что язык, как многие другие «строгие» системы, носит прескриптивный характер тоталитаристского свойства (Р. Барт), и нарушения его порядка всегда маркированы по отношению к норме [3], нельзя забывать, что функционирование языка – это челночное движение по маршруту *норма ↔ аномалия*, которое делает эту оппозицию градуальной (более – менее). Такая же дополнительность царит и во взаимоотношениях формы и содержания: фокус интерпретации постоянно перемещается от содержания к форме и обратно. Однако это перемещение не произвольно. Оно спровоцировано необходимостью обратить на форму внимание в силу её непрозрачности. Аномалия заставляет переносить «фокус объектива» интерпретации с общего плана на крупный, приближая детали изображения для их подробного рассмотрения.

Однако задумавшись, насколько это движение, а точнее, попадание формы в фокус языковой перцепции и интерпретации, связано с «девиацией». Например, давно известен и всесторонне исследован в синтаксисе *эллипсис* (см., напр., [10]), в теории речевых актов (ТРА) – *косвенные речевые высказывания* [21], в стилистике – явления *аллюзии*, *подтекст*, *подразумевания* и проч. (см., напр., [8]). Практически все эти проявления «нарушения нормы» можно рассматривать как реализацию «нормативности аномальности» в языке, лежащую опять-таки в плоскости взаимоотношений формы и содержания. Как пишет В. Г. Гак, «язык представляет собой чрезвычайно “асимметричное” явление, ввиду асимметрии одно и то же языковое явление может получить несколько разных теоретических толкований, число которых, однако, всякий раз ограничивается природой данного конкретного объекта» [9, с. 22].

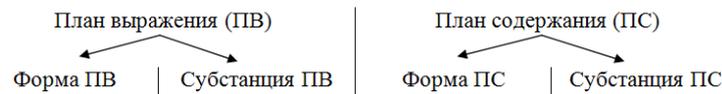
Целью нашего исследования является семиотическое представление механизмов воплощения асимметрии в функционирующем знаке, как в плане выражения, так и в плане содержания, в дискурсивном пространстве текстов, построенных на нарушении симметрии формы и содержания.

Исследование неоднозначных отношений формы и содержания в языке неизбежно приводит нас к семиотическим истокам, дающим начало всей научной лингвистической идеологии. Мы проследим, как дихотомия формы и содержания, выведенная Ф. де Соссюром и лежащая в основе семиотики, получает развитие в дискурсивной парадигме структурализма и постструктурализма с тем, чтобы вновь рассмотреть дискурсивные явления, как правило, привлекающие внимание исследователей в связи с их «аномальностью». С нашей точки зрения, природа этих явлений заключается в неоднозначных взаимоотношениях формы и содержания. Мы будем останавливаться, как правило, на известных явлениях, трактуя их с позиций когнитивной семиотики языка (об этой лингвистической парадигме см. ниже – 3. Б.), которая, в свою очередь, имеет свой путь развития, свою историю и свои истоки. Такой подход позволит по-новому взглянуть на природу маргинальности в языке.

Опорными вехами в методологии нашего исследования и логике изложения стали положения ученых структуралистской и постструктуралистской формаций, во многом определивших пути современных когнитивно-семиотических исследований дискурса. Рассмотрим взгляды на проблему формы и содержания ученых, маркировавших развитие семиотики языка и речи – Л. Ельмслева и Р. Барта.

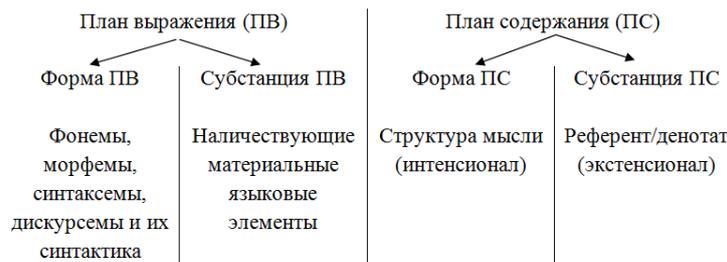
Одним из столпов семиологии (семиотики языка) является глоссематика Л. Ельмслева («Пролегомены к теории языка», 1942 г.) [13], который, как известно, основывался на квадратичном представлении плана выражения (ПВ) и плана содержания (ПС), разделяя каждый из них на «фигуры» и «субстанцию»: «До сих пор в лингвистике не было сделано даже попытки предпринять такое разложение знакового содержания на фигуры содержания, хотя соответствующее разложение знакового выражения на фигуры выражения так же старо, как и изобретение фонетического письма (а возможно, первое даже древнее второго, так как изобретение фонетического письма предполагает существование попыток такого анализа выражения)» [Там же, с. 90]. Таким образом, в системе глоссематики ПВ и ПС делятся (каждый) на форму и субстанцию:

Схема 1.

С точки зрения воплощения форм и субстанций языка можно легко представить ПВ: субстанция – это звуки языка, форма – фонемы. Для плана содержания, на наш взгляд, существуют различные интерпретации, в частности, находясь в рамках элементарной семиотической семантики (Г. Фреге), можно представить в качестве субстанции плана содержания *экстенционал* знака (денотат), а в качестве формы плана содержания – *интенционал* (сигнификат) как способ отражения экстенционала в знаке:

Схема 2.

При асимметрии ПВ и ПС (например, семантическом сдвиге) происходит либо «удвоение» формы и субстанции плана выражения (полисемия), либо «удвоение» плана выражения, что приводит к омонимии. При этом процесс перцепции и интерпретации формы в идеале проходит следующие стадии: *Субстанция ПВ* → *Форма ПВ* → *Форма ПС* → *Субстанция ПС*; процесс кодирования, соответственно, должен идти в обратном направлении. Однако в силу асимметрии ПВ и ПС [9, с. 117] может происходить удвоение либо только ПВ, либо только ПС. В первом случае мы, в первом приближении, имеем дело с синонимией, во втором – с удвоением смысла, или *контаминацией смыслов* (экивок, подразумевание и т.д.). Второй вариант характерен в большей степени для употребления языка в речи, так как кроме полисемии, «существующей» в системе языка, удвоение смысла, как правило, окказионально и, уж во всяком случае, контекстуально. Поиск второго смысла так или иначе «провоцируется» нарушением ожидаемой нормы (аномалия?) либо на уровне материальной формы (формы ПВ), либо на когнитивном уровне (логические исчисления, импликации и т.п.), то есть на уровне формирования интенционала как формы плана содержания. Схема интерпретации, если отталкиваться от ТРА, представляется тогда следующим образом:

Схема 3.

Говоря об обычном пути смыслообразования, Л. Ельмслев обозначает его как «денотативную семиотику», «если ни один из ее планов не является семиотикой» [13, с. 133-134], то есть имеет место один единый план выражения и один единый план содержания. Если же происходит «двойничество», то есть каждый из планов

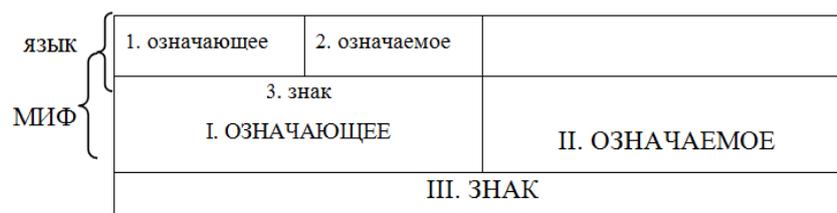
удваивается на уровне формы или на уровне субстанции, речь идет либо о «коннотативной семиотике», либо о «метасемиотике» [Там же, с. 134-135]. Коннотативная семиотика вступает в силу при изменениях *формы плана выражения* (стилистические формы, стихи и проза, функциональные стили, или жанры, говоры, идиолекты, эмоциональные «тоны» и т.д.). Метасемиотика трактуется Ельмслевым как «семиология семиологий»: «если семиология исследует язык, то метасемиология исследует саму семиологию» [Там же, с. 143]. Другими словами, если семантика исследует *значения* языковых элементов, то семиотика стремится к установлению *смысла* знака как результата семиозиса (процесса функционирования знака) в совокупности его семантического и прагматического значений. По нашему мнению, если следовать этой логике, метасемиотика устанавливает *смысл смыслов*, т.е. смысл плана выражения и смысл плана содержания в их взаимодействии. Например, в косвенном речевом акте «Не могли бы Вы передать мне соль?» мы устанавливаем, что смысл его либо в вопросе, либо в просьбе. Языковая составляющая и ситуация употребления (прагматика) приводят нас к соответствующим импликациям (см.: [21]), которые помогают нам определиться в выборе смысла. Однако всегда можно подняться в своих рассуждениях на уровень выше и спросить: «А какой смысл в этом вопросе/просьбе?» (например, такой вполне житейский вопрос: «Какой смысл просить соль, если она ближе к тебе, а не к собеседнику?»). «Другими словами, по окончании анализа денотативной семиотики, коннотативная семиотика должна быть подвергнута аналогичному анализу» [13, с. 138]. Таким образом, как нам представляется, дискурсивная семиотика, отталкиваясь от денотата, приходит к коннотату (дополнительному значению/смыслу), а от него – к коннотату более высокого уровня. Такое рассуждение нам представляется логичным и поясняющим вывод, высказанный Л. Ельмслевым, о метасемиотике как о «самой лингвистике» [Там же, с. 139].

Попытка семиотики и лингвистической семиологии структурировать план содержания на этапе раннего структурализма не увенчалась успехом, хотя и внесла свой вклад в представление языка как арены взаимодействия плана выражения и плана содержания, остановившись перед проблемой формирования смысла языкового выражения как результата этого взаимодействия. Такие идеи семиотического структурализма не могли не развиваться, но уже в новой перспективе – в лингвистике текста и дискурса. Когда ученые обратились сначала к тексту, а затем к дискурсу, казалось, что нашелся формальный аппарат для анализа многогранного, полифонического, взаимопроникающего, «интер» и «гипер» пространства мысли. Создание текста, производство дискурса можно было бы назвать «словотворчеством» в самом широком смысле, т.е. превращением часто неструктурированного и хаотичного мысленного пространства в линейный порядок единиц языка. От мысли интуитивной – к мысли, оформленной во внутренней речи, а затем – к мысли сформулированной. Именно в этом виде мысль становится смыслом со статусом истины, т.к. становится «доказуемой, т.е. дискурсивной» (П. Флоренский). С точки зрения структурной лингвистики это означает переход из «виртуального в реальное», перемещение из *парадигматики* виртуальных возможностей выбора в *синтагматику* языкового выражения. Стремление структурировать такой «легко» структурируемый предмет, как «означающее», привело к структурированию и «означаемого», проникновению в структуру смысла, а следовательно, в структуру мысли. Сегодня когнитивная семиотика приближает решение задачи, поставленной в свое время структуралистами, в частности Л. Ельмслевым: «Лингвистика должна <...> видеть свою главную задачу в создании науки *о выражении* и науки *о содержании* на внутренней и функциональной основе...» [22, с. 72] (Выделено нами – З. Б.).

Идея приложения дихотомии формы и содержания развивалась с развитием интереса к применению лингвистических методологий к дискурсивному и шире – социолингвистическому и социо-политическому пространству коммуникации. У истоков такой семиотической экспансии стояли французские структуралисты, прежде всего, Ролан Барт.

В своей работе «Миф сегодня» (1957) [5] Барт представил свое видение асимметрии плана выражения и плана содержания. Идею коннотативной семиотики Ельмслева он развил в теорию мифа как вторичной семиологической системы. Вместо одноуровневого, «горизонтального» представления о форме и субстанции ПВ и ПС Барт предлагает иерархическую структуру первичной и вторичной семиотики [Там же, с. 79]:

Схема 4.

Таким образом, сопоставляются две «семиологические системы», одна из которых «частично встроена в другую». Первая – это языковая система, которую Барт называет *языком-объектом*, «поскольку он поступает в распоряжение мифа, который строит на его основе свою собственную систему». Вторая – это сам миф, который на самом деле подразумевает любое дискурсивное применение языка (литература, искусство, политика и т.д.). Следуя за Ельмслевым, Барт называет вторую систему *метаязыком*, «потому что это второй язык, на котором говорят о первом». «Денотативная семиология» Ельмслева становится собственно семиологией у Барта, её объект – внутреннее устройство знака, но не его функционирование: «...единство семиологии

существует на уровне формы, а не содержания; сфера ее применения ограничена, она имеет дело только с одним языком, только с одной операцией – прочтением или расшифровкой» [Там же, с. 78]. Эта идея о превращении первичной системы во вторичную, превращения языка в (художественный) дискурс, легла впоследствии в основу многих исследований, в частности, в основу концепции отечественной филологической школы «эвокации», т.е. превращении естественного языка в язык художественного произведения [23].

Однако семиотический механизм взаимодействия формы и содержания не может ограничиваться рамками структурного анализма. Лингвистика постмодерна всячески уходит от анализма и стремится к синкретизму формы и содержания. Опираясь на идеи психоанализа З. Фрейда, социологию и политэкономия К. Маркса, идеи диалогизма и полифонии М. Бахтина, постструктурализм обращается к деконструкции знака, к размытой границе между формой и содержанием. «Лингвистика родилась из черты, проведенной ей между означающим и означаемым, и, быть может, она рискует погибнуть от их воссоединения» (О. Маннони [Цит. по: 4, с. 346]). Лингвистике недоступно познать процессы взаимного проникновения смысла формы и формы смысла. Пытаясь проникнуть в эти глубины семиозиса, лингвистика становится поэзией, происходит «субверсия лингвистики в поэзию». Ж. Бодрийяр пишет: «Поэзия – это восстановление символического обмена в самом сердце слов. В то время как в дискурсе сигнификации, устремленные к своим смыслам слова (а внутри них – слоги, согласные и гласные) не отвечают друг другу, не говорят друг с другом, – в поэзии, напротив, инстанция смысла сломана, и все конститутивные элементы языка начинают обмениваться, отвечать один другому. Они не “освобождаются”, и через их посредство не “освобождается” никакое глубинное или “бессознательное” содержание; они просто вновь вовлекаются в обмен, а это и есть процесс наслаждения» [6, с. 350].

Таким образом, следуя идеологии постмодерна, оказывается, что многообразие и синкретизм мысли, казалось бы, воплощенный в строгой синтагматике дискурса, вновь становится аморфным, ускользающим от структурного семиотического исследования.

Однако это отрицание отрицается: исследование структуры и функционирования смыслообразования, связанное с необходимостью моделирования процессов, происходящих в сознании субъектов-пользователей этой знаковой системы, обрело новый смысл (мета семиотический) с возникновением когнитивной парадигмы в языкознании [16].

Проецирование представления механизмов семиозиса на процессы мышления, интерпретация смыслового содержания слова составили предмет когнитивной семиологии [1]. Работа в этом направлении позволяет представить взаимодействие формы и содержания не только и не столько как внутризиковую проблему, сколько как функцию мышления и сознания, направленную на порождение значения и смысла, отраженных в знаке. Прежде всего, речь идет о «дискурсивном сознании», т.е. о формировании смысла на уровне речи, речевой деятельности. Н. Ф. Алефиренко пишет: «В когнитивной семиологии внимание акцентируют главным образом на дискурсивном мышлении, если, разумеется, под дискурсом понимать *синергетическое* по своей сути коммуникативно-когнитивное явление, ингредиентами которого, кроме текста, являются различные экстралингвистические контексты, конситуации, пресуппозиции и постсуппозиции (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации» [Там же, с. 146] (выделено нами – З. Б.).

Проблемы проникновения (диффузии) формы знака в его содержание выражаются в способности человека совмещать форму смысла со смыслом формы. Иными словами, человек наделяет смыслом все, что мыслится, все, что выступает в статусе знака. Значит, и соотношение плана выражения и плана содержания – это результат постоянного смыслообразования (см. выше о метасемиотике), постоянное решение вопроса «почему такая форма к такому содержанию?» и наоборот. Этот процесс, который можно было бы назвать «семиотическим творчеством», происходит постоянно и проявляется (закрепляется) на различных уровнях функционирования языка, а не только в рамках мифологии или литературоведения.

Прежде всего, механизмы диффузии формы и содержания в языке проявляются на прототипическом, подсознательном уровне: первочеловек придает значение звукам, в том числе и звукам языка, что воплощается в теории звукосимволизма [18]. План выражения проникается планом содержания, процесс формирования первых слов – это слияние формы и содержания в процессе первобытной номинации. Здесь уж точно речь идет не об «аномалиях» языка. Однако на каждом новом витке семиотического творчества (словотворчества), реализующего креативную функцию языка, можно наблюдать сознательные и подсознательные механизмы этой семиотической диффузии. К подсознательным на лексико-функциональном уровне относятся, прежде всего, междометия, проникающие в язык эмоциональные морфонологические элементы, лексико-семантические конверсивы, контаминанты и т.д. Сознательное словотворчество, проникающее в узус, а через него – в норму языка, основано также на взаимопроникновении формы и содержания: литературная «заумь», поэтические формы, литературный парадокс, паремии, наконец, орфоэпия и орфография как результат слияния формы и содержания и т.д. Все эти семиотические произведения, относящиеся к системе языка или к окказиональному в речи, существуют благодаря челночному перемещению сознания между формой и содержанием.

Как можно заметить, отмеченное Р. Бартом удвоение плана выражения (см. схему выше) коррелирует с асимметрией ПС. Удвоение смыслов, начинаясь в повседневных косвенных высказываниях (см. выше), превращается в многоликое поле имплицитности в языке и речи. На наш взгляд, можно выделить особый тип дискурса, построенный на перекрестном взаимодействии плана выражения и плана содержания, который, как было отмечено, связан с контекстом, пресуппозициями и подразумеваемыми. Это дискурс, возникающий в сотворчестве сознаний адресанта и адресата. Такой дискурс мы предлагаем называть **эвокативным**, а функцию языка по созданию невыраженных смыслов – эвокативной функцией. Однако это свойство дискурса в нашем понимании не относится исключительно к литературной эвокации (см. выше) или к эвокации

в смысле обращенности дискурса в область закрепившихся в памяти прецедентных текстов [7]. Эвокативность проявляется на всех уровнях языка и во всех речевых жанрах, поэтому эвокативный дискурс – это, прежде всего, реализация эвокативной функции языка – функции умножения смысла за счет «двойничества» в плане выражения или в плане содержания. Он в одинаковой степени *проактивен* (= «проективный», «провокативный») и *ретроактивен* (> пресуппозиции, фоновые знания и т.д.).

Тем не менее некоторые речевые произведения основаны исключительно на этом свойстве языка: имплицитность содержания и экспрессивность формы (форма смысла и смысл формы) становится условием *sine quod non* (необходимым) их существования (намек, инсинуация, подразумевание, аллюзия / миф, притча, басня, загадка, анекдот и т.п.). Возвращаясь к когнитивно-семиотическому представлению эвокативности, можно сказать, что под эвокативным текстом нами понимается речевое произведение, результат дискурсивного акта, в процессе которого происходит взаимопроникновение формы и субстанции плана выражения и формы и субстанции плана содержания.

Рассмотрение этих языковых и речевых явлений в перспективе синергетического когнитивно-семиотического подхода к реализации эвокативной (и проецирующей) функции языка и к дискурсивной практике в рамках когнитивной семиотики представляет собой актуальную языковедческую задачу.

Список литературы

1. **Алефиренко Н. Ф.** Когнитивная семиология: истоки, становление и перспективы развития // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2007. № 1-2. С. 143-152.
2. **Апресян Ю. Д.** Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования / под ред. Д. С. Лихачева. М. – Л.: Наука, 1990. С. 50-71.
3. **Арутюнова Н. Д.** Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-19.
4. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с франц. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 616 с.
5. **Барт Р.** Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с франц. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 72-130.
6. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть / пер. с франц. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
7. **Борботько В. Г.** Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 288 с.
8. **Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты** / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. 480 с.
9. **Гак В. Г.** Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
10. **Грулева Е. В.** Избыточность текста, редукция и эллипсис (на материале русского языка): дисс. ... д. филол. н. СПб., 2008. 473 с.
11. **Дмитровская М. Л.** «Переживание жизни»: о некоторых особенностях языка А. Платонова // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 108-115.
12. **Дранов А. В.** Виртуальный смысл // Западное литературоведение XX века. Энциклопедия / гл. науч. ред. Е. А. Цурганова. М.: Intrada, 2004.
13. **Ельмслев Л.** Прологомены к теории языка / пер. с англ. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
14. **Инишев И. Н.** Чтение и дискурс: трансформации герменевтики. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 168 с.
15. **Кобозева И. М., Лауфер Н. И.** Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 125-138.
16. **Кубрякова Е. С.** Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.
17. **Малышев В. Б.** Трансформация как искусство метапозиции // Медиафилософия II. Границы дисциплины / под ред. В. В. Савчука, М. М. Степанова. СПб.: С. – Петерб. филос. о-во, 2009. С. 202-210.
18. **Михалёв А. Б.** От фоносемантического поля к протоконцептуальному пространству языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (038). С. 91-104.
19. **Попова Т. В.** Лингвистика дефектного текста // Уральский филологический вестник. 2012. № 3. С. 134-139.
20. **Радбиль Т. Б.** Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: монография. М.: Флинта, 2012. 322 с.
21. **Серль Дж. Р.** Косвенные речевые акты / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 195-222.
22. **Спанг-Ханссен Х.** Глоссематика // Зарубежная лингвистика II / общ. ред. В. А. Звегинцева, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 2002. С. 67-116.
23. **Чувакин А. А.** Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокативного исследования. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1995. 126 с.

SEMIOTICS OF EVOCATIVE DISCOURSE

Bedanokova Zuleikhan Kimovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Adygeya State University
bedan23@mail.ru

The article focuses on the semiotic mechanisms for realization of evocative discourse which is characterized by the penetration of expression plan into the content plan of a sign represented by the evocative text. The author examines the means to study such discourses in the aspect of synergetic integration of the semiotic and cognitive approaches.

Key words and phrases: cognitive semiology; evocative discourse; asymmetry of a sign; signifier and designatum in the discourse; implicitness of content and expressiveness of a form.